

В ОБСУЖДЕНИЕ ВСТУПАЕТ ПСИХИАТР

Д. РЕДИГЕР*

И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут.

И на рабов моих и на рабынь моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать.

Деяния 2:17-18

Наше нормальное бодрствующее сознание, рациональное сознание, как мы его называем, есть только лишь один специфический тип сознания, в то время как вокруг него, отделенные тончайшей завесой, лежат потенциальные формы сознания, в самом существе своем отличные от него.

Уильям Джеймс

Взяв для обсуждения приведенный выше случай из практики, автор сделал отличный выбор, потому что случай этот иллюстрирует с необычайной ясностью центральные пункты диалога между материалистическими и более открытыми или традиционными¹ представлениями о природе мира, в котором мы живем. Хотелось бы также сказать, что опыт Теда поднимает вопросы, затрагивающие самую суть диалога между психологией и богословием; к несчастью, однако, Западное богословие по большей своей части само еще не вышло из детского возраста и черезчур

* *Джефф Редигер* (Jeff Rediger) – доктор медицины, кандидат богословия, главный врач McLean Hospital Southeast, инструктор отделения психиатрии Harvard Medical School.

¹ Под традиционными представлениями я имел в виду не традиционные представления современной западной культуры, но традиционные представления, более распространенные в других культурах и в другие исторические периоды, когда вера в духовный мир была гораздо более принята. Западная культура относительно новая, и время ее жизни отмечено кратким штрихом на шкале истории.

подвержено влиянию материалистических взглядов, через призму которых мы пропускаем огромную часть своего повседневного опыта.

Симптомы Теда и отношение к ним, с клинической точки зрения, есть то, что ярко высвечивает конфликт между двумя различными образами восприятия мира: является ли мир, прежде всего и в основе своей, материальным миром, который известен нам благодаря свидетельству пяти чувств и зависит, главным образом, от четкого и незыблемого различия между познающим и познаваемым; или он есть также духовный мир, где сенсорные данные только лишь часть дела, а жесткое различие между субъектом и объектом, или познающим и познаваемым – полезно, но в какой-то мере и иллюзорно, и вводит в заблуждение.

Ниже мы рассмотрим более пристально опыт Теда, как он его описал, и обсудим основания, а также клинические импликации того взгляда на мир, который формирует традиционное православное христианское богословие. Православное богословие, нужно заметить, имеет особенно важное значение в диалоге между психологией и богословием и особенно более явно играть роль повивальной бабки в процессе рождения нашим миром нового, совершенно другого сознания, поскольку исторические события сокрыли его от культурного давления Запада и влияния его могущественной, но односторонней эпистемологии.

Психиатрические симптомы с точки зрения двух различных форм сознания

Отрывки из Священного Писания, такие как тот, который я поместил в начало статьи, вводили меня в глубокое замешательство в детстве и затем, в юности и в молодые годы, просто по той причине, что они находились в совершенном противоречии с теми представлениями, которые в меня вкладывали в процессе учебы. Все время – в начальной и старшей школе, колледже, медицинской школе, на службе и даже в семинарии – мне помогали осваивать мир, который подчеркивал приоритет сенсорных данных в поисках знания и истины. Цель заключалась в том, чтобы, вооружившись скептицизмом, достичь сухого остатка безусловного, неуязвимого знания, которое мыслилось как возникающее в результате подробного исследования всех доступных сенсорных данных. Хотя мое обучение в семинарии было довольно серьезным, и немалый акцент делался на понимании того, какого рода проблему все это создает для духовной жизни, решать ее, в основном, пытались таким образом, что трансцендентные идеи и богословские представления переводились в абстрактный план вместо того, чтобы обосновываться через нечто практическое и опытное.

Некоторые детали, которые Тед рассказал терапевту, были бы немедленно истолкованы большинством терапевтов и психиатров как симптомы психотического или диссоциативного поведения. Вопрос заключается в том, есть ли у нас какое-либо клиническое основание, чтобы не делать поспешных выводов и разобраться более тщательно. В описании случая Тед говорит своему терапевту, что после того, как он около тридцати-сорока лет практиковал определенного рода фантазии, он мог вызывать в уме различных персонажей, вплоть до того, что они действительно оживали в нем и разговаривали сами по себе. Например:

«У него на кухне хранился набор чашек с лицами знаменитых людей, и он мог сделать так, что эти лица начинали менять свои очертания, шевеля губами и разговаривая с ним. В настоящее время он стал беспокоиться, так как персонажи внутри него «вышли из-под его влияния», стали высказывать недовольство в его адрес и не давали ему спать. Это было похоже, скорее, не на аудиовизуальные галлюцинации шизофренической природы, а на что-то из разряда голосов диссоциативного расстройства, хотя даже в этом не было окончательной ясности. Тед настойчиво повторял: «Это я создаю их», хотя, в то же самое время говорил: «Они обращаются ко мне, они сердятся, они недовольны тем, что я делаю». Он замечал, что «голоса» больше всего беспокоят его в периоды, когда он употребляет таблетки, снижающие аппетит».

Важная вещь заключена в этом коротком рассказе, и далее я попытаюсь предпринять нечто вроде «мысленного эксперимента», который внесет большую ясность в то, что же Тед описал. Если симптомы Теда лучше всего объясняются с помощью традиционного психиатрического критерия психотических процессов, тогда лечение должно быть предпринято в соответствующем направлении. Если они объясняются посредством того, что известно о многообразных проявлениях и последствиях диссоциативных процессов, мы последуем этим курсом. Необходимо, однако, взять в рассмотрение возможность того, что внутри определенных модусов сознания – таких как мистическое сознание, которое описывали святые, и о котором сообщает все возрастающее число людей в наше время, – некоторые обыкновенные законы повседневной реальности приобретают относительность, снимаются за счет реальности высшего порядка, и что это не просто болезненный процесс, но может также иметь благотворные последствия. Если у нас именно этот случай, то тогда мы должны попытаться понять опыт на его собственном языке, а не патологизировать его с помощью категорий традиционной психиатрической номенклатуры. В противном случае вновь появившиеся возможности шагнуть за собственные пределы, возможности само-трансцендирования, будут

утрачены, и человек упустит случай интегрировать потенциальные источники энергии и жизни в свое повседневное существование.

Брать за основу нашего рассуждения это последнее понимание или нет – зависит от нескольких ключевых моментов: конгруэнтности аффекта у Теда, когда он описывает эти переживания; от того, насколько он зарекомендовал себя как честный и надежный рассказчик при описании своего опыта; присутствует ли какая-либо вторичная выгода (например, внимание); и от того, каковы очевидные и осязаемые плоды того опыта, который он описывает. Автор описания этого случая не дает никаких комментариев ни по поводу конгруэнтности аффекта у Теда, ни по поводу его надежности, но относится к его сообщениям достаточно серьезно, так что выносит их на наше обсуждение. Никакой вторичной выгоды из того, что нам представлено, не прослеживается. Есть, однако, некоторые признаки предположительных благотворных последствий, которые следовало бы обсудить. Тед, действительно, получил очень важную помощь от пастырского консультанта, который понимал, что между фантазиями и тем, что потом человек переживает во внешнем мире, существует прямая связь, а также Тед сообщил о нескольких чудесных исцелениях в прошлом. В таких ситуациях добраться до истины могут помочь лабораторные исследования, до и после выздоровления, и консультации с теми, кто близко знаком с Тедом.

Когда клиницист выносит решение о присутствии психотических или диссоциативных симптомов, за этим обычно кроется целое мировоззрение. Слуховые и зрительные галлюцинации по определению мыслятся как слышание звуков и видение образов, которые реально не существуют. Они могут отражать, к примеру, нарушение нейрохимических процессов, и не более того. Сознание мыслится единственно как результат нейронного функционирования, и, фактически, то, что сознание не может существовать, минуя процессы возбуждения в нейронах, рассматривается как нечто, не требующее доказательств.

Суть лечения, согласно такому взгляду на вещи, состоит в том, чтобы заглушить голоса или прервать беспокоящие видения, посредством либо психофармакологии, либо психотерапии. Материалистическая парадигма обладала временем и ресурсами для своего все большего распространения, и поэтому биологическая психиатрия занимает центральное положение, а сегодняшние лекарства играют все возрастающую и часто полезную роль в устранении психотических или диссоциативных симптомов. Вопрос в том, будет ли такой взгляд на действительность, при котором материальный мир окончательно и абсолютно мыслится как истина в последней инстанции, достаточным для объяснения всего того, что нам явлено.

Несколько лет назад, работая психиатром, я столкнулся с одним молодым человеком, который начал ходить ко мне на прием, и который еще совсем недавно вел жизнь опустившегося алкоголика и наркомана. Познакомившись с ним, я был поражен тем фактом, насколько он был готов на все, чтобы только удержаться от наркотиков и алкоголя и получить образование в колледже. Еще ни разу мне не рассказывали историю, в которой было бы так много насилия, как в его. Отец-алкоголик бил его смертным боем, пока не покинул сей мир, мать продавала себя за дозу героина в присутствии сына, который сидел, забившись в угол. Мачеха как-то раз выстрелила в него из охотничьего ружья, а все остальное время науськивала на него отца. В конце концов, он сбежал из дома и следующие десять лет провел в качестве продавца наркотиков и члена уличной банды.

Я знал, что он не один год находился в системе охраны психического здоровья, а также имел историю непростых отношений с психиатрами и другими врачами, которые были привлечены для того, чтобы оказывать ему помощь. Так что я спросил его, почему же теперь все изменилось, и что помогает ему сохранять трезвость и прилагать столь очевидные усилия, чтобы начать новую жизнь. То, что он рассказал, меня удивило.

Он поведал мне, что отказался от наркотиков и алкоголя после того, как его покойная бабушка-индеанка, которая сама при жизни была алкоголичкой, явилась ему однажды ночью, села на край его постели и велела бросить пить. Его особенно впечатлило то, что она с удивлением разглядывала его татуировки, которых у него не было при ее жизни.

Вскоре после того, что с ним произошло, он бросил пить, привел себя в порядок и начал строить планы относительно поступления в колледж. Этот опыт, который, как он верил, был опытом встречи с бабушкой, в пять минут дал ему больше, чем десять лет регулярного общения с психиатрами и терапевтами. И, не считая нескольких срывов, прогресс был вполне прочный, несмотря на тот факт, что он продолжает жить в трущобе вместе со своей матерью и четырьмя ветеранами, у которых были проблемы с наркотической и алкогольной зависимостью. Он продолжал приходить ко мне, как за дозой медикаментов, уже изрядно сниженной, так и ради психотерапии, но что-то существенно изменилось, и я уже не столько лечил болезнь, сколько помогал ему в достижении его цели. Принятие его опыта как чего-то важного, видимо, растопило сопротивление, которое было главной характеристикой его предыдущих отношений с врачами, и позволило нам начать работать по-настоящему.

Понять его опыт просто как отражение психотических или диссоциативных процессов – значит патологизировать его опыт, что было ему глу-

боко неприятно. То, что традиционная психиатрия рассматривает как симптомы, которые надо убрать, он рассматривал как призыв к новой жизни.

С тех пор я внимательно прислушиваюсь к тому, что пациенты или люди, участвующие в исследовательской программе Института, рассказывают об опыте, который, по моему мнению, вряд ли мог бы быть адекватно оценен в рамках традиционной психиатрической или медицинской модели. История христианской духовности также знает примеры того, насколько иными могут быть описания реальности и сознания, созданные великими основателями психиатрии, на все времена получившими благословение Церкви. Например, Жан-Мартин де Шарко, директор известной парижской психиатрической лечебницы для женщин Сальпетриер, фотографировал женщин, которых он лечил от истерии, в позах, обозначенных как «Экстатическое состояние», «Блаженство» и т.п., и делал вывод, что об этих женщинах уже нельзя говорить как о страдающих от обмана чувств. А Джозеф Брейер, сотрудничавший в свое время с Зигмундом Фрейдом, присвоил святой Терезе Авильской титул «святой покровительницы истерии», хотя он действительно соглашался, что она была «женщина гениальная, с огромной практической одаренностью» (*Medwick, 1999, с. 15*). Читателю решать, являются ли описания, подобные тому, что приведено ниже, отражением определенно галлюцинирующего и заблуждающегося сознания:

Нашему Господу было угодно, чтобы мне являлось иногда это видение. Совсем рядом со мной, слева, появлялся ангел в человеческом облике, который был не таким, как я обычно воспринимаю их. Хотя мне часто являются ангелы, я на самом деле не вижу их, за исключением того случая, который я упоминала. Но наш Господь захотел, чтобы это видение предстало передо мной следующим образом: Он был невысок и очень красив, а лицо его было таким огненным, что он походил на одного из тех высших ангелов, которые выглядят так, как будто они целиком охвачены пламенем. Это, должно быть те, что зовутся херувимами – они не называли мне своего имени – но я хорошо знаю, что на небесах существует некое различие между одними ангелами и другими, и что я была бы не в силах объяснить это. В его руках я видела длинное золотое копье, и его железный наконечник, казалось, был сгустком огня. Я чувствовала, как если бы он погружал его несколько раз в мое сердце, так что оно проникало в мои внутренности. Когда он вытаскивал его обратно, казалось, он вытаскивает их вместе с ним и оставляет меня всю воспламенной огромной любовью к Богу. Боль была такой острой, она не раз заставляла меня стонать. Сладость этой боли так велика, нет никакого желания, чтобы она кончалась, и душа не находит удовлетворения ни в чем меньшем, чем Бог. Эта боль не физическая, а духовная, но все-таки

тело принимает некоторое участие в ней – на самом деле, большое участие. Столь нежен и деликатен этот обмен между Богом и душой человека, что я молю Бога, в его благости, дать хотя бы чуточку этого каждому, кто думает, что я лгу (*там же*, с.57).

Заблуждение или нет, но «Вида» св. Терезы, полная подобных пассажей, возбудила широкий отклик – так, Джордж Элиот сделал св.Терезу «гением *Iosì*» своего романа «*Middlemarch*», а Жан Лоренцо Бернини увековечил ее в своем «Экстазе св.Терезы» в Капелле Санта Мария делла Виттория в Риме. Это достойная проверка того, действительно ли благотворно воздействие какого-то мистического опыта на воспринимающего и повышает ли он его способность к любви.

Помыслы в Православии или материализм против мистицизма

Итак, что предлагает православное богословие в отношении тех симптомов, которые описал Тед? Согласно его словам, многолетнее фантазирование привело его к состоянию, когда персонажи фантазии могли по-настоящему оживать внутри него и сами по себе разговаривать, и даже лица известных людей, изображенные на кофейных чашках, шевелили губами, беседуя с ним. Предыдущий психолог, приверженный материалистическому видению мира, говорил Теду, что совершенно неважно, о чем он фантазирует, пока это не отражается на его внешних действиях.

Православное богословие, предполагающее духовное видение, учит, что мир нашего повседневного существования характеризуется полярностью и жесткой конкуренцией противоположностей – например, верха и низа, холодного и горячего, дня и ночи, позитивного и негативного, добра и зла, мужского и женского, индивидуума и общества, разума и тела и т.п. Нам дана возможность жить среди этих полярностей, чтобы учиться и возрастать к обожению, то есть к тому состоянию, когда мы осознаем действительное присутствие Божие в нас. Согласно такому видению мира, эти полярности, а также боль и страдание, которые часто связаны с ними, относятся к области явлений (феноменов) и не являются реальностью в себе и сами по себе. Вещи не таковы, какими они кажутся.

Чтобы быть строгим последователем Аристотеля и отдать должное и сенсорной, и духовной реальностям, наверное, лучше было бы сказать, что материальная реальность реальна с какой-то позиции, но с другой, стратегически более выигрышной позиции, она становится относительной и обусловленной более широким взглядом, подобно тому как для маленького ребенка луна кажется движущейся вместе с машиной, из которой он ее наблюдает, но, с более зрелой точки зрения, те же самые сен-

сорные данные оказываются помещенными в более широкий контекст, и взрослый знает, что движение луны вместе с машиной не является тем, чем оно кажется.

В какой-то мере это можно понять, рассматривая известные гештальт-изображения, которые можно увидеть как две совершенно различные картинки, в зависимости от того, как на них смотреть. Глядя, например, на одну из этих картинок, некоторые увидят старую каргу, другие же – юную леди. Это показывает, что, даже имея в своем распоряжении одни и те же данные, люди могут увидеть абсолютно разные вещи. И, что знаменательно, как бы они ни пытались, им не удастся увидеть старуху и юную леди одновременно, даже если они научатся с невероятной скоростью перепрыгивать с одного изображения на другое.

Этот пример отчасти демонстрирует нам, каким образом два различных видения мира могут быть оба истинными, каждое в своей собственной сфере. Однако, с духовным видением все сложнее, потому что, тогда как образы старухи и юной леди состояются из материала, взятого в одной и той же системе координат, и зависят исключительно от того, какие детали будут извлечены из данного изображения и интегрированы в картинку, мистическое сознание принадлежит к явлениям совсем другого порядка, нежели обыкновенное. Отношение мистического сознания к обыкновенному сознанию сродни отношению взрослого видения движения луны вместе с машиной к восприятию этого же движения ребенком.

Хотя большинство из нас живет каждодневно в границах обыкновенного сознания, существует довольно много людей – в том числе ранее живших святых – которым знаком опыт, соответствующий мистическому строю сознания, что само по себе заслуживает серьезного рассмотрения. Это, похоже, как бы просачивается наружу – у одних людей более явным образом, чем у других, – слишком часто, чтобы не обратить на себя внимание.

Пастырский консультант, который работал с Тедом, начал лечение с помощи в осознании разрушительных помыслов и предложил заместить их Иисусовой молитвой и иконой Христа. Что такое помыслы? Этимологически помыслы имеют отношение к «мыслям» – к мыслям, которые ты имеешь. Согласно св.Максиму, бывают мысли простые и сложные, составные (*Metropolitan Hierotheos*, 1994, с.394). Мысли, не связанные с сильной эмоцией или страстью, рассматриваются как «простые». Сложные же или составные мысли – это те концептуальные образы, которые эмоционально заряжены или составляют одно целое с каким-либо сильным чувством или страстью.

Сердцевина мистического сознания есть понимание, что феноменальная реальность не является тем, чем она кажется. Настоящее мистическое сознание, таким образом, будет рассматривать жизнь фантазии не только как нечто, вносящее свою лепту в то, что человек переживает во внешнем мире, но даже как нечто решающее, в конечном итоге. Потому что то, что мы видим и переживаем, вытекает из того, во что мы по-настоящему верим, что мы считаем правдой о мире.

Путь рассуждения, который может помочь нам понять, что такое «мыслы», включает в себя понятие «элементалей». Элементали есть мыслеформы. Это энергии, которые мы проецируем вовне в процессе порождения мыслей и чувств. По описанию *Kyriacos Markides* (2001, с. 646), элементали имеют форму и энергию. Когда мы думаем об океане, мы конструируем форму океана в уме. Если у нас есть желание отправиться к океану, мы наполняем идею океана (форму) желанием (энергией). Чем больше желание, тем больше энергия, помещенная в форму. Сила элементалей зависит от количества энергии – желания или страсти – помещенного в него.

Вопрос о том, действительно ли мысли несут на себе некоторую энергию, которая может быть выявлена, заслуживает исследования. В Институте я работал с целым рядом чрезвычайно сензитивных личностей, и рассказы об их переживаниях, а также то, что я наблюдал, находясь рядом с ними, безусловно, оправдывают идею существования тонкой энергии, испускаемой мыслями, которая может быть обнаружена некоторыми людьми.

Эти люди говорили мне, что мы все обладаем подобными способностями, но у большинства из нас они обычно находятся в скрытом виде. Эти способности можно развивать, но, по всей видимости, это потребует развития таких сторон нашего «я», которым мы склонны не придавать значения в нашей культуре. Люди, о которых идет речь, похоже, были экстраординарно интуитивны – даже мета-интуитивны – и иногда могли уловить мысль, которую кто-нибудь собирался высказать, раньше, чем она действительно прозвучала. Хотя, конечно, случались и ошибки, но я наблюдал также, как отдельные индивидуумы, услышав имя какого-то человека, с которым они, как я знал, никогда не встречались, начинали мне говорить всякого рода вещи о знакомстве с такой степенью детализации, что это поистине поражало. Это было почти как если бы они обладали антенной, настроенной на определенную частоту, вроде радиоволн. Иногда встреча с незнакомцем лицом к лицу смазывала получаемую информацию, как если бы внешнее присутствие становилось на пути чего-то более реального, но невидимого.

Одним из путей размышления, по которому я сначала пошел, было соображение, что лево-полушарный, аналитический разум, который дал нам огромные ресурсы, оставляет, однако, многих интуитивных, более гештальт-ориентированных людей – особенно женщин, которые по природе более расположены к интуиции, – в некотором пренебрежении, с чувством, что что-то существенное было упущено. И похоже, что те, кто делал великие открытия – Кекуле, который открыл структуру бензольного кольца после того, как увидел во сне змея, кусающего свой хвост, Фрэнсис и Крик, в поисках структуры ДНК гонявшиеся за самой красивой формой, Эйнштейн, воображавший себя едущим на луче света, – все они часто двигались навстречу открытию, опираясь на неуловимые подсказки, которые больше сродни чему-то интуитивному и даже мистическому, чем просто строго определенной аналитической логике.

Томас Мертон как-то назвал западную культуру великим одноглазым гигантом, который бредет, запинаясь и спотыкаясь, принося как пользу, так и большие разрушения. Что нам необходимо, так это развить наш второй глаз – говорил он, имея в виду глаз интуиции, целостности и мудрости.

Если мысли, сплавленные с чувствами, создают элементарии, то какие выводы можно отсюда сделать? Первый касается некоей невидимой связи, которая существует между всеми нами. Центральным вопросом философии всегда был вопрос о бытии – является ли бытие множественным (некоторое множество существ) или есть только одно Бытие, и какова природа связи между всеми существами. Последние три столетия наша культура подчеркивала отдельную, изолированную природу всех существ. Однако в последние годы многие люди на Западе повернулись к Востоку и его мистицизму, так как стали подозревать, что такое подчеркивание односторонне и затрудняет адекватное восприятие того факта, что все мы связаны между собой и испытываем потребность друг в друге. Точнее, наверное, было бы сказать, что в то время как обычное сознание зависит от причинно-следственных связей, рационального анализа и показаний пяти чувств, другая, более духовная форма сознания перемещает осязаемую реальность в более широкий контекст, таким образом, что это, с одной стороны, не обесценивает данные, полученные с помощью материалистической интерпретации мира, но, в то же время, переформулирует их на основе новой информации.

Следующий вывод касается того, не является ли наше материалистическое видение мира правильным, но гораздо более ограниченным, чем нам кажется на первый взгляд. Возможно, мы вовсе не есть тела, наделенные душами. Возможно, истина гораздо более радикальна, и правильнее сказать, что мы, в первую очередь, души, которые облакаются в тело,

чтобы использовать противоположности временного существования для приближения к обожению. Такой путь размышления ставит значительно больший акцент на невидимом мире, который нас окружает, а также предполагает, что видимый мир, возможно, является манифестацией более реального, но менее осязаемого и очевидного невидимого мира.

Наши желания и страсти формируют элементали и поддерживают в них жизнь, питая их энергией. Они продолжают жить до тех пор, пока желание не будет удовлетворено, или пока личность не оставит его ради другого желания. Все то время, пока определенный элементаль существует, он стремится двигаться в направлении своего удовлетворения. Вероятно, поэтому духовные учителя указывают, что человек, в конечном счете, получит то, к чему он на самом деле стремится. Элементали, созданные тобой, в конце концов, достигают тебя, и внешний мир начинает становиться под стать тому внутреннему миру, который был тобой сотворен.

Говоря другими словами – то, что мы проецируем наружу как мысли и чувства, в конце концов, возвращается к нам как мир, который мы создали, хороший или плохой. Мы притягиваем к себе элементали, соответствующие элементалям, порожденным нашим умом, и, в свою очередь, испытываем на себе влияние этих элементалей, привлеченных нами. В этом смысле можно сказать, что два человека, даже если они сидят рядом друг с другом, могут находиться в совершенно различных мирах. Другими словами, мы наказываем или награждаем себя посредством тех мыслеформ, которые мы создаем. Когда мы наносим кому-нибудь вред в наших мыслях и чувствах, мы делаем это на самом деле по отношению к самим себе. Когда мы любим, мы совершаем доброе дело по отношению к себе.

Вполне вероятно и вполне согласуется с этой линией рассуждения то, что в определенном смысле эти мысли и чувства, которые мы проецируем, начинают жить собственной жизнью и существовать независимо. Они превращаются в «вещи», в том смысле как электричество, магнетизм и свет есть вещи. Элементали, которые мы проецируем в мир, также притягиваются к тем сходным элементалям, которые создаются другими. И я, и другие люди имеем опыт, когда мы неожиданно и почти на физическом уровне, ощущаем мысль, которая есть у кого-то другого, даже если этот другой человек находится в противоположном конце комнаты. В Институте, где я работаю, я сталкивался, в рамках своей программы, с некоторыми необыкновенно чувствительными индивидами, которые сообщали, что иногда они даже видят мысли (чаще всего символизированные «цветом»). Здесь, безусловно, встает вопрос, не окажется ли, в конце концов, возможным с помощью соответствующих инструментов обнаруживать или даже «взвешивать» мысли и чувства.

Если помыслы принимают, в некоей плоскости, объективный вид, мы вправе ожидать, что когда мы разрываем нашу связь с тем или иным элементом, он будет по-прежнему оставаться в окружающей нас среде в течение определенного времени, подобно тому, как пламя оставляет послесвечение. Чем сильнее огонь, тем дольше будет продолжаться послесвечение. Подобный ход мысли обладает некоторым объяснительным потенциалом по отношению к тому, что сообщал Тед о природе своих голосов: «Тед настойчиво повторял: «Это я создаю их», и, в то же самое время – «Они обращаются ко мне, они сердятся, они недовольны тем, что я делаю»».

Учитывая, что в то самое время, когда я пишу этот текст, Соединенные Штаты только что вторглись в Ирак, преследуя Саддама Хусейна, нужно было бы, видимо, поговорить о возможности коллективных элементов. Вероятно, группы людей также могут создавать элементы, и эти коллективные элементы обладают большей или меньшей силой, в зависимости от того, сколько энергии было в них вложено. Мы все существуем в переплетении взаимодействующих элементов и постоянно оказываем влияние друг на друга, на подсознательном уровне, посредством наших элементов. Стоит задуматься о наших потаенных желаниях и намерениях, вступая в эту войну, и помнить, что мы глубоко связаны с прошлым и будущим народа Ирака узами, которые мы не хотим замечать.

Выздоровление от травмы как избавление от разрушительных помыслов

Мы подошли к обсуждению того, как происходит процесс исцеления от разрушительных помыслов. Если человек долгое время таит в себе мысли, связанные со страхом, злобой и ненавистью, то сам не ожидая того, он будет уничтожен этой злобой и ненавистью. Он, в конце концов, может стать центром притяжения для подобных мыслей. Если такой образ мысли превращается в нечто привычное, то человек начинает привлекать к себе обстоятельства и события, которые дают ему повод проявлять эти мысли и чувства и делать их очевидными.

Тед в юном возрасте находился под действием помыслов, определенно достаточно мрачного и низкого характера. Мать одевала его как девочку, а брат высмеивал до такой степени, что в результате в нем родился глубокий страх и сомнение в собственной мужественности. Это имело свое развитие, когда, в подростковом возрасте, мужчина постарше проявил к нему нежные чувства. Фантазии, которые развивались у Теда в течение следующих сорока лет, безусловно, имели прямое отношение к

этим событиям и к элементам, с которыми эти события составляли единое целое.

Вероятно, низкие элементы построены на основе идей, подчиненных сильным желаниям. Эти элементы сравнительно низкого уровня включают в себя не только животные страсти и склонности, но также страсти, связанные с оскорблениями и травмами. Элементы более высокого уровня составлены из желаний, подчиненных более высоким и благородным идеям и идеалам. На пути исцеления от сексуального оскорбления человеку приходится предстать перед лицом одного из великих и грозных сфинксов: это страх – в данном случае страх, что, будучи ребенком, он каким-либо образом привлек к себе оскорбление, и поэтому он каким-либо образом неполноценный или плохой. Так как вещи, обладающие наибольшей подлинностью, самоочевидны и могут быть познаны только открытым сердцем, страх замутняет мир, делает его непрозрачным. Это, если можно так выразиться, великие эпистемологические шоры. А также магнит для низменных элементов.

Терапевт хотел помочь Теду научиться господствовать над своими мыслями и эмоциями и, в процессе этого, порождать элементы, связанные с мыслями и чувствами, более высокими и чистыми, чем те, которые возросли на страдании и обидах. Терапевт, видимо, строил работу, исходя из той предпосылки, что если победить свои мысли, страхи, желания и свою сосредоточенность на себе, то тогда старые и менее конструктивные элементы лишатся энергии и уступят место элементам более высокого уровня. Если постоянно культивировать образ мысли более высокого порядка, то, в конце концов, твои собственные состояния подтянутся к этим мыслям и придут с ними в гармонию. И такой человек будет к себе притягивать людей с подобными мыслями. Мы создаем свое окружение своими мыслями, вчерашними и сегодняшними.

Элементы, которые мы создаем, либо делают нас созвучными самим себе, другим людям и Богу, либо вызывают разлад и раскол. Терапевт советовал Теду отсекать от себя мысли, в соответствии с православным святоотеческим учением о борьбе с помыслами. Тед стал читать об Иисусовой молитве. Терапевт дал Теду икону Христа, «и вот в один прекрасный день Тед рассказал, что голоса «обратились» и теперь читают Иисусову молитву, а пару раз ему показалось, что голос доносится от иконы, на которую он смотрел во время молитвы». Это длилось недолго, и здесь свою роль сыграл респеридал, который вытеснил голоса на задний план. Вероятно, старые элементы, набравшие силу в течение нескольких десятилетий, когда их активно «питали» фантазии Теда, были настолько могущественны, что нужно было долго и тяжело трудиться, что-

бы оборвать связи и заместить их устойчивыми элементами другого качества.

Исцеление от травмы предполагает, что человек приходит к иному видению и самого себя, и мира, и начинает лучше понимать, как избежать излишнего риска, вступая в отношения с миром, который несет в себе и опасность, и чудо. На более высоких ступенях мир начинает являться таким, как о нем пишут поэты и великие мистики. Как сказал поэт Джерард Мэнли Хопкинс: «Мир насыщен величием Божьим. Он дышит сиянием, подобно тому, как искрится вибрирующая фольга». По мере движения к обожению, страхи отступают, и человек начинает истинно радоваться тому, что он видит в зеркале. Это вроде бы согласуется с толкованием святоотеческого учения Митрополитом Иерофеем Влахосом:

Разумеется, кроме лукавых помыслов, существуют и благие, происходящие от Бога. Как можно узнать их? Будучи новичками в духовной жизни, мы должны обращаться к опытным духовным отцам, в особенности к имеющим дар различения духов. Общее же правило таково: если при появлении помысла, предлагающего нам что-либо, в душе возникает радость, то это значит, что помысел происходит от Бога. Дьявольские же помыслы исполнены смущения и печали. Святой Варсонофий учит: «Если помысел предлагает тебе сделать что-либо по его воле, и ты увидишь, что в деле том есть радость, скорбь же ему противна, то знай, что он от Бога... Бесовские же помыслы, во-первых, полны смущения и тревоги и скрытно влекут назад; они облакаются в овечьи шкуры, ибо прикрываются помыслами справедливости, сами же суть хищные волки». Необходимо заметить, что помысел иной раз вызывает радость, но радость эта может происходить от тщеславия и сладострастия сердца. Поэтому различением помыслов может заниматься только тот, кто вкусил благодати Всесвятого Духа и очистился от душевных страстей. Тем, у кого нет этого опыта, следует обращаться к опытным духовным отцам...²

Всегда существуют немногочисленные одухотворенные души, которые столь возвышенны, что даже самые злейшие травмы и надругательства оказывают на них, в конечном итоге, только благотворное влияние:

Когда коммунисты прибрали к рукам Тибет, они заключили в тюрьмы многих монахов, монахинь, лам... Некоторые сидели в китайских трудовых лагерях по двадцать-тридцать лет и только совсем недавно были выпущены. Какое-то время тому назад я встретил монаха, который был в заключении около двадцати пяти лет. Его пытали, над ним всячески издевались, и его тело в значительной мере представляло собой развалину.

² Цит. по: *Митрополит Иерофей (Влахос)*. Православная психотерапия. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004, с.224.

Но его душа! Когда вы заглядывали в его глаза, то, вместо того, чтобы увидеть там горечь, надломленность, озлобление, вы могли обнаружить, что они светятся. Он выглядел так, как если бы он провел двадцать пять лет в отшельническом уединении! Он повторял, как он благодарен китайцам. В самом деле, с их помощью он научился ошеломляющей любви и сочувствию к тем, кто причинял ему зло. Он сказал: «Без них я бы просто продолжал изрекать банальности». Но то, что он был в тюрьме, заставило его обратиться к своей внутренней силе. В таких обстоятельствах ты либо идешь на дно, либо восходишь горé. Когда он освободился из заключения, он чувствовал только любовь и понимание по отношению к своим палачам (*Palmo*, 2003, с.76).

Хотя опытный клиницист всегда обращает внимание на заряженное влечением или отвращением мышление, когда оно есть, но по-настоящему замечательной вещью является наблюдать способность к преодолению самого себя (само-трансцендированию) и умение не ломаться под тяжестью обстоятельств там, где это действительно есть.

Духи и одержание

Обсуждение этого случая очевидным образом поднимает вопрос относительно существования духов и духовной зависимости. Есть много шансов в такого рода дискуссии сбиться с пути...

Имея в виду, каким образом обычно рисуется одержание злыми духами и экзорцизм, следует, очевидно, отметить, что ряд духовных учителей утверждает, что все люди предрасположены к тому, чтобы вступать в связи с различными полезными и неполезными духами, и во многом таким же образом, как мы склонны связывать себя с различными элементами. Поэтому они различают между зависимостью и одержанием, утверждая, что по большей части человеческая жизнь имеет дело с зависимостями, а не с одержанием, как это обычно рисуется народными представлениями.

Любой аспект человеческой или духовной жизни, отвергнутый или подавленный определенной культурой, будет стремиться проявить себя каким-либо искаженным и иногда разрушительным образом. Так что ясно, что, поскольку наша культура *ipso facto* приписывает «голосам» исключительно материалистическое или биологическое происхождение, дискуссии по поводу духовной зависимости легко могут приобретать извращенный характер.

Между тем, Священное Писание рисует мир, где мы окружены сонмами невидимых свидетелей. Как ребенок, воспитывавшийся в протестантской семье, я всегда испытывал недоумение относительно той онтологической разницы между миром, как он раскрывается в Библии, и оче-

видно одноплановым миром вокруг меня. Если то, что рассказывает нам Тед и другие пациенты, обладает какой-то достоверностью, то существует многое, что выходит за пределы того узкого круга реальности, который очерчивают даже и в некоторых семинариях.

Вопросы, которые поднимаются обсуждением нашего случая, указывают на нечто из области библейского взгляда на мир, что, хотя и не просто примирить с нашими современными схемами мироустройства, все же дает намек на какую-то истину. Вероятно, и наука, и Библия правы – каждая в своей области, однако мне кажется, что нужно позволить себе проникнуться духом библейских историй и оставаться открытым тому, что мир может являться очень по-разному, если смотреть с точки зрения различных форм сознания. Есть группы христиан, которые верят, что дьявол существует, но, к сожалению, некоторым из этих групп дьявол кажется вездесущим, и очевидно, что это вездесущее вырастает из глубокого страха и недоверия к миру.

Священное Писание и Церковь всегда поддерживали веру, что за всеми полярностями и сложностями видимого мира находится мир, полный истинной славы, где Бог реален, и любовь соединяет между собой все и вся. Мы все дети Божии, и Царствие Божие существует для всех, кто желает в него войти. Падшие духи могут существовать, но они низшие, как в знании, так и в силе, по отношению к светлым духам, которые обитают гораздо ближе к Божьему невещественному свету и добру. Реальность – это загадочная и очень сложная вещь, и мы должны достичь немалого разума, чтобы пройти испытания, которые будут возникать на нашем пути, но, в высшем и лучшем смысле, это все-таки хорошо.

ЛИТЕРАТУРА

- Markides Kyriacos*. The Mountain of Silence: a Search for Orthodox Spirituality. – New York: Doubleday Press, 2001.
- Medwick Cathleen*. Teresa of Avila: the Progress of a Soul. – New York: Alfred A. Knopf, 1999.
- Metropolitan Hierotheos of Nafpaktos*. Orthodox Psychotherapy: the Science of the Fathers. – Leviaia, Greece: Birth of the Theotokos Monastery, 1994.
- Palmo Ani Tenson*. Reflections on a Mountain Lake: Teachings on Practical Buddhism, цит. по «Spirituality and Health», vol.6, №1, 2003, с.76.